

Василий Придатко-Долин

Vasyl Prydatko-Dolin

ГОД ГЕРАЛЬДА

HERALD'S YEAR

2009

Василий Придатко-Долин
Vasyl Prydatko-Dolin

ГОД ГЕРАЛЬДА
(из путевых заметок натуралиста)

HERALD'S YEAR
(The Naturalist Travel Notes)

2009

В. Придатко-Долин. Год Геральда. Из путевых заметок натуралиста. Авторская рукопись. К.: ArcArt, 2009.– 118 с. *«Год Геральда» - это историко-документальная повесть о редчайшей долговременной, летней экспедиции на остров Геральд(а), Восточная Арктика. (В данном случае, веб-сайт ArcArt публикует лишь отрывок из повести - главу «Реабилитируя Эдварда Вильяма Нельсона», рассказывающую только об одном эпизоде, летнем дне 14 июня.) В течение 41-го дня - с 23 мая по 4 июля 1986 года - двум натуралистам удалось добыть чрезвычайно интересные научные данные, а также по-своему взглянуть на трагические страницы истории Арктики начала XX века, а главное - реабилитировать необычные наблюдения американского исследователя Эдварда В. Нельсона, сделанные им на о.Геральда в 1881 году. История эта поучительна для постсоветских любителей восклицать «Не верю!». В тексте использованы стихи и рисунки автора, а также ранее не публиковавшиеся ГИС-материалы.*

V.Prydatko-Dolin. Herald's Year: The Naturalist Travel Notes. Author's manuscript. Kyiv: ArcArt, 2009.– 118 p. (Rus). *'Herald's Year' is the historical documentary about a rare long-term expedition to Herald Island in Western Arctic. (ArcArt-web presents an extract of it, i.e. the chapter 'Rehabilitation of Edward W. Nelson's Good Name', about the day of June 14th.) Within those unusual 41 days - from May, 23rd till July, 4th, 1986 – the two naturalists collected extremely interesting scientific data. Also, they presented tragical pages of history of the Western Arctic regions of early XX century in their own way. The main thing is that the expedition has successfully rehabilitated the unique observations of the famous American naturalist Edward William Nelson in 1881, Herald Island. This story is very instructive for those who loved to exclaim in the former-USSR 'I do not believe it !' In the text, the author used his own poems and drawings, as well as not published yet GIS-based map.*

Предисловие

С времен открытия острова Геральда¹ капитаном Келлетом в 1849 году эта биогеографическая экспедиция к островам Пlover, как их назвал тогда Келлет, безусловно, была в ряду наиболее интересных. Нам повезло. Фаунистические и флористические «открытия» и «закрытия» сыпались, как из рога изобилия, и причиной тому была именно долговременность экспедиции, возможность пожить на острове, понять его². Плюс – наш многолетний полевой, исследовательский опыт. Кроме всего прочего, мы реабилитировали некоторые открытия американского естествоиспытателя Эдварда Вильяма Нельсона³, сделанные им в 1881 г., и вызывавшие много споров в нач. XX века - именно на нашей, тогда ещё советской, стороне Великого Полярного океана. Выходит, что в той части планеты Земля славное имя Эдварда В. Нельсона ждало реабилитации почти 105 лет. (Возможно, что для полярных широт столетние реабилитации имен – это почти закономерность⁴). Воспользовавшись случаем, мы также упорно искали, но не нашли какие-либо дополнительные следы пребывания на острове людей со шхуны “Карлук” (экспедиции Вильялмура Стефансона), затонувшей к северу от острова Геральда в январе 1914 г., а именно - группы штурмана Андерсона и группы океанографа Джеймса, и что еще раз доказывало, что страшная зима 1914 была для них мучительной. (Подробности этой истории описал капитан Роберт Бартлетт в книге «последнее плавание Карлука».⁵) В годы, близкие к тем трагическим, современникам не доставало ресурсов, полярного времени и ... бесснежья на о.Геральда, чтобы лучше осмотреть остров. Лишь в бесснежье появляется шанс внимательно разведать многочисленные гроты, террасы, крутые обрывы, чтобы добавить что-то новое к уже известным фактам, и, может быть, передать еще что-то потомкам моряков.

Кроме того, наша экспедиция впервые точно нанесла на карту колонии морских птиц, добавив подробные описания, получила неожиданные результаты, и уточнения, о путях миграции птиц, обитающих на Аляске и в Сибири; значительно дополнила известные на то время, но очень фрагментарные данные о флоре и фауне острова, геоморфологии, и... уже тогда обнаружила местные признаки продолжающегося сегодня потепления Арктики. Мы также взяли на себя смелость дать географические название некоторым безымянные участкам острова Геральда, и надеемся, что современники отнесутся к этому с уважением. Не публиковавшаяся ранее карта прилагается.

По случайному стечению обстоятельств лето 2007 года, когда отрывок из повести появился на narod.ru, выдалось очень жарким, что, вероятно, способствовало заметным флористическим и фаунистическим изменениям в Восточной Арктике. И они могли быть похожими на те, которые здесь мною описаны. Автор почти уверен, что на острове Геральда давно не было никаких экспедиций. Думаю, что это дополнительный стимул для публикации фрагмента повести «Год Геральда» на Arctic-in-Art, и что сделано при технической поддержке от BioModel (ULRMC). Надеемся, что наибольший интерес повесть может представлять для историков, натурфилософов, не потерявших интерес к *terra incognita*. Как ни странно звучит, но сия *terra* (о.Геральда) может быть

интересна потенциальным критикам, тихо сидящим (до поры, до времени) в теплых столичных кабинетах и сдерживающих крик «Не верю!» Так вот, пускай поверят...

Автор сердечно благодарит казахстанских коллег (Эдуарда и Андрея Гавриловых, Юрия Грачева, Сергея Ерохова и других), способствовавших тому, что основная рукопись и многие дневники были сохранены в периоды лихолетий, а также Владимира Говядина, оказавшего большую помощь в черновом компьютерном наборе текста. Искренне благодарю также Светлану Иванову (Москва), чей энтузиазм и напор способствовали созданию авторской веб-страницы по прошествии 20-ти лет после ТОЙ экспедиции на о.Геральда и, как следствие, обнародованию этого еще малоизвестного материала на первом авторском сайте «narod_ru» в 2007 году. Анонс обновленной версии части повести был представлен на сайте ArcArt 09.09.2009, и теперь публикуется полностью.

*В.Придатко-Долин «Вокруг о.Геральда» (б., а., гуашь,
32*42). V.Prydatko-Dolin 'Around Herald Island',
watercolor, gouache*

Часть 3. Реабилитируя Эдварда Вильяма Нельсона

Летнюю экспедицию на о.Геральда, которая продолжалась бы не пару часов, как уже бывало не раз, а месяц или больше, автор пытался инициировать, начиная с 1978 года, когда поселился на острове Врангеля. Но эта очевидная голубая мечта осуществилась лишь после восьми лет ожидания – в 1986 году. Здесь описан лишь один эпизод, один из дней того счастливого 1986-го. Один из сорока одного, но какой!

14 июня. Установилась прекрасная солнечная погода и ртуть нашего термометра, привыкшая засыпать в секторе минус, замерла на отметке 0⁰ С. Наконец-то на Геральде наступила весна. Всё тает, течет и щебечет. Арктическая июньская весна.

Ноздри щекочет ветер океана, насыщенный чуть уловимым запахом нагретых на солнце камней, прошлогодней травы, земли и камнеломов, и... почему-то свежерезанного арбуза. Да, арбуза. Позднее, в 2007, я напишу в своих стихах про море ⁶:

*...оно другое - за... полярным кругом...
Мой остров дал испробовать всего:
солёных вод (арбузный запах-вьюга!)
никто не скажет химия чего?*

Не теряя минут чудесного полярного дня, мы ринулись на север, к горе Нельсона. Идем быстро, почти не останавливаясь, и задерживаемся лишь на минуту, чтобы полюбоваться брачными танцами парочки *исландских песочников*. В долине ручья Уютного снег заметно подтаял, обнажив кочки с просыпающейся, зазеленевшей травой. Тут очень живо. Почти в такт шуршанию мокрых резиновых сапог, то справа, то слева, откуда-то из-под кочек, вылетают *лапландские подорожники, пуночки*. В тундре всё так и должно происходить:

*И птах полярный (из лапландских)
вновь поит песней с раздорожья...
Тюльпанов бы сюда голландских,
да лапьев мельниц невозможных⁷.*

И, о удивление - кулик *чернозобик*. Надо же! На склоне над заливом Микояна делаем привал, чтобы осмотреться, понаблюдать в бинокль за *бургомистрами*. Их гнезда – как на ладони, совсем рядом. Тишина, покой, идиллия...

Вдруг, перед моим носом пролетает *муха*. Ну и что, скажет читатель, подумаешь, муха. Но, друзья, ведь эта с острова Геральда, а не откуда-нибудь, поэтому, моментально срабатывает неистребимый инстинкт познания, и рука делает хватательное движение. Но увы, кулак пуст...

— Напрасные хлопоты, — замечает М.С., — попыхивая трубкой.

— ..?

— Мух в Союзе⁸ некому определять. Единственный специалист сейчас занят разбором коллекции Пржевальського. Хотя бы до нее еле-еле добрался, и то слава Богу.

— ...?

Красиво сказано, в духе М.С., но я точно знаю, что при первой же возможности он наловит и пауков, и геральдских мух, и всего остального, что прячется в траве и земле, и что инстинкт познания у него сработает безукоризненно, безотказно, как электронные часы.

С хорошим настроением спускаемся в долину Уютную, где и погода и всё-всё-всё способствует открытиям.

— Цик-цик-цик, - вдруг вскрикивает ...*трясогузка* и с удовольствием демонстрирует нам свое очаровательное желтое брюшко, дабы мы не усомнились в видовой принадлежности этой редкой гостии. Нет сомнений: перед нами действительно *желтая трясогузка*. (Так и быть, птица, вносим тебя в каталог фауны о.Геральда, и тихо радуемся: есть трясогузка, будут и другие редкости).

В верховьях ручья вспархивает *болотная сова*, точнее - одинокий совин, которого мы уже видели сразу после прилета на остров. Непонятно, чем он питается, и на какие, так сказать, средства живет в этих аркто-пустынных геральдских далях. Ему нужны *лемминги*, а их на острове нет, и это нами установлено точно. Не мухами же или снежными блохами, *коллемолами*, он перебивается? Наверное, ослабевших птиц ловит.

Спускаемся к ручью, прислушиваемся, приглядываемся. А вот и тот, кому здесь, среди камней быть положено по законам жанра - это *каменка*, небольшая шустрая пичуга. Встанет столбиком, замрет и смотрит внимательно, а во-он еще одна - второй столбик. И пока *каменки* не улетели, накидываю на фотокамеру нужный телеобъектив, чтобы запечатлеть всех птиц для истории, и, как оказалось, не зря, потому что, словно бы по заказу, из-за холмика показались три коричневые длинные шеи. Нечто длинношеее. Так и есть - *черные казарки*.

— Испугаются или не испугаются, улетят или не улетят?

— Не улетят, — гудит в бороду М.С., — это остров непуганых животных.

М.С. прав: они не суетятся, не улетают, чувствуют себя дома. Но можно утверждать, что казарки не гнездятся на острове чудес: это северное королевство мало для них, развернуться негде. Всегда и везде в Арктике они нуждаются в защите *белых сов*, отгоняющих настырных полярных лисиц - *песцов*. В свою очередь, белой сове нужны *лемминги*. Ни леммингов, ни, соответственно, гнездящихся сов на Геральде нет, а вот песцы есть, значит, круг замкнулся. Но может быть, когда-нибудь...

Пока мы рассуждали вслух, красивые птицы поднялись на крыло и скрылись за крутым береговым обрывом. Жаль.

Но сюрпризы долины Уютной на этом не закончились. Оказывается, главное в нашем деле, это вовремя переключать внимание и смотреть не только в синюю даль, но и ближе, себе под ноги. Например, разглядывать травы. Будто бы специально для нас здесь из-под снега уже появилась цветущая *дриада*, или куропаточья трава – представитель арктической тундры.

— Ну и что? — опять же, спросит пытливым читатель. А вот что.

Улыбка, присутствие *дриады* не дает повода относить остров Геральда к тем голодным и холодным арктическим пустыням, о которых пишут биогеографы и поэты, а еще заманчивее, к так называемым «арктическим степям», которые на слуху у всех северных натуралистов. Здесь, на Геральде, выжили и, как видим, даже дриадово расцвели хоть и обедненные, но все же арктические тундры. Представления о суровости острова, сложившиеся у многих исследователей дистанционно, и чаще всего из-за скудости фактажа, это лишь эпизод из масштабного, многосерийного фильма природы. У нас же в руках оказался научный факт: он бодро цветет и даже пахнет, прямо под ногами. Он, кстати, и объясняет, почему мы с М.С. почти каждый день открываем по одному «новому» виду птиц: остров хоть и арктический, но расположен в какой-то теплой благодатной климатической струе. К тому же, сам Геральд над благодатием как бы работает, ведь стоит он как огромный утюг среди ледовитого океана, нагреваемый солнцем, и притягивает к себе все южное, затерявшееся в полярных даях. Кстати, силуэт Геральда издали напоминает обрывистый, парящий в облаках затерянный мир из известной книги Конан Дойла.

Путь преграждает неудобный каменистый склон, ноги спотыкаются о глыбы яркого крупнозернистого гранита, сплошь покрытого черным лишайником *гирофорой*. Вскоре граниты сменяются сланцами, а вслед за этим заметно меняется и состав трав - хороший пример для натуралистов о прочной связи живого и неживого. Чередование гранитов и сланцев, этих главных типов горных пород Геральда, во многом определяет распространение и сочетание не только растений, но и птиц. Например, мы до настоящего времени не встречали на гранитах ни одного ярко-сиреневого букета *камнеломки супротивнолистной*. (Ох уж эти ботанические названия!) Такая камнеломка предпочитает сланцы, а граниты ей не по нраву. А что же птицы, тоже зависят ли они от состава горных пород здесь, на Геральде? Оказывается, да зависят: морских птиц на гранитных обрывах больше, ведь эти обрывы медленнее разрушаются, по сравнению со сланцевыми, и так далее... Во всем свой порядок.

Долина Сквозная тоже освободилась от снега, а в центре ее образовались озерки текучей талой воды, ожил ручей. (Кстати, на нашей топографической карте-двухкилометровке он не отмечен картографами.) Раз так случилось, мы подарим его картам и друзьям. Дадим имена и нескольким безымянным ручьям – надо же как-то ориентироваться.

Такие места очень любят кулики, вот и теперь мы встретили *чернозобиков*, *дутыша* и даже *Бэрдова песочника*. Как вам это номенклатурное название?

Сюда же из долины Уютной, в Сквозную, переместились *черные казарки*. Увидев нас, они вновь тревожно загоготали, затоптались, взлетели... Шлеппп, шлеппп... Эх, казарки, казарки, а зачем же ронять на нас ...(сами знаете что)...

— Га-га-га...Ага...

Южный склон горы Нельсона - это совершеннейшая пустыня, усыпанная темной щебенкой. Унылую картину дополняет настырный, проникающий во все прорехи, боковой ветер. Но уверен, что многие наши друзья хотели бы пройти по такой пустыне, ожидая увидеть что-то невероятное, незамеченное мореплавателями прошлого века: гурий, спрятанные старинные географические карты, бревна временного жилища... Но ничего такого здесь нет, хотя это геометрический центр Геральда, а в центре, якобы, всегда что-нибудь необычное само собой встречается. К тому же, так далеко, по суше, на Геральде, еще никто из наших современников летом не заходил (исключая, наверное, геодезистов 30-х годов). И все же мы вертим головами из стороны в сторону: а вдруг, здесь, среди скал, остались следы людей со шхуны «Карлук» - тех пострадавших. Вдруг им посчастливилось подняться сюда наверх, со стороны мыса Дмитриева, поближе к почти «затерянному миру Конан Дойла», и оставить какой-нибудь еще не найденный документ, дневник надежд...

Но увы, вновь убеждаемся, что изобилия здесь определенно нет, и что вершина острова напоминает кальдеру вулкана, выполненную, как говорят геологи, застывшим безжизненным черным пеплом. Напоминает, но здесь вместо пепла измельченные ветрами сланцы. Онемевшая тундра. Из трав, в поле зрения, лишь единичные подушечки вездесущего *проломника* (он же «ломает» камни), да куртинки *полюней* и *осок*. На редких моховинах дрожат жалкие стебельки *камнеломки чебрецелистной* и *ясколки беренгийской*, изредка мелькают желтые кустики *мака (Ушакова?)* и *лапчатки*.

Да, прав был капитан Роберт Бартлетт, когда отговаривал своих людей, из группы штурмана Андерсена, идти на остров Геральда, и повернул свой, основной отряд, к более перспективному мысу Уэринг, что на о.Врангеля.

Дальше, к северу, вершина горы Нельсона почти полностью покрыта снегом, и передвигаться по ней до мыса Дмитриева нам нет никакого смысла: под ногами скользят и коварно ползут вниз плиты сланцеватой черной породы, породившей острый, крокодилоподобный хвост Геральда, тянущийся туда, к мысу Дмитриева. Хвост этот совершенно непривлекателен для хождения и опасен всерьез. Это даже не хвост, а скорее нож, и соскользнуть с лезвия в пропасть на плитках сланца – все равно, что раз чихнуть. (Идти по нему ослабевшие люди с затонувшего корабля не могли. В то же время, подняться на террасы Геральда, в его южной части, откуда мы пришли, тоже проблематично: там есть всего два-три таких места. Это ручей Вейки, Уютный и Синехвостки. (Так мы их назвали.) Но о них нужно знать заранее! Да и какой смысл для изможденных далеким январским переходом моряков карабкаться вверх? Без сомнения, они оставались внизу, под скалами. Отмечаю про себя: позже, с припая, мы осмотрим все гроты как по эту, так и по другую сторону острова Геральда. Ту самую сторону, что мы, жители острова Врангеля, называем «обратной стороной Луны». Ту, развернувшуюся к Аляске, вечно труднообозримую и, как мы потом убедимся, обходя Геральд вокруг, действительно труднодоступную.

На виду у мыса Карлук присаживаемся отдохнуть. Здесь очень красиво и остров Врангеля кажется таким близким, хотя до него около тридцати миль. Сегодня он выглядит, как темно-синяя разорванная миражами полоса у горизонта. Полоса – это разгадка тех многих легенд, которыми богата арктическая литература. Края полосы размазаны: там, где должен находиться мыс Блоссом - разрыв, а там, где горы Евстифеева - понижение. Шапка тумана как бы разделила остров на части, и нарисовала... не один остров, а несколько. Многочисленные снежники на его сопках, превратились в размытые белые пятна, и даже очертания близкого мыса Уэринг совершенно исказились и лишились деталей. В результате, возник... архипелаг-мираж. Именно так в Арктике, вслед за миражами, возникали и легенды о неведомых землях.

Наверное, именно таким впервые увидел (мог увидеть!) остров Врангеля в 1849 году капитан Генри Келлет (Келлетт), исследовавший Чукотское море. (Читают историки, порой, пожелтевшие записи и думают, мол, выдумывали моряки что-то про новые земли, фантазировали.) Но мы теперь знаем, что далеко не всегда фантазировали. И вот случай возвращает все на круги своя: прошлое находит повторение в настоящем.

“17 августа в 9 часов 40 минут вечера мы услышали с марса крик: “Земля!”. Идя вдоль льдов, заметили группу и еще одну большую землю островов <выделено мной - В.П.-Д.>, про которую капитан Келлет сказал, что он уже давно видел ее, но боялся, что это мираж...”

Такую запись в бортовом журнале судна «Геральд» оставил очевидец в 1849 году. И написал бы еще и еще, пропусти тогда льды корабль поближе к острову. Но не повезло команде шхуны, не открылась им великая тайна островов Врангеля и Геральда. Поэтому, открытую группу островов Келлет назвал островами Пlover, а большую землю - Землей Келлета. Вот так: мираж и льды помешали смелым мореплавателям установить истину.

Спускаемся в долину Сквозную, и на небольшой террасе обнаруживаем выложенную камнями пятиконечную звезду (ох уж этот Советский Союз) и цифры “1978”. По-видимому, кем-то, когда-то было обозначено место посадки, например, вертолета. Скорее всего, вертолета погранвойск. (Так мне теперь думается, ведь случаи высадки на Геральд можно перечесть по пальцам.) Счастливые пассажиры засекреченных вертолетов (пишу об этом с иронией), а может быть даже кораблей или подводных лодок, ступали на камни острова Геральда буквально на несколько десятков минут, вдыхали воздух заветного полярного Далёка, набирали на память полные карманы черного щебня (большого Геральд предложить им не мог), делали фотографии и улетали домой, на материк. Осмелюсь предположить, что чаще всего это были военные «туристы», а также ...их жены и знакомые. Никаких записей для науки они не оставляли, и мне, по крайней мере, они неизвестны. Лишь волею случая к военным мог примкнуть какой-нибудь советский, а потом уже постсоветский Георг Стеллер, и вот тогда человечеству снова удавалось делать небольшие научные открытия. Так, в августе 1977 года ботаник М.Васьковский успел собрать (или как говорят ботаники “урвать”) гербарий из 22 видов растений. Вместе с материалами канадских и американских экспедиций это давало уже 31 таксон. Открытие для тех лет существенное, можно сказать «георг-стеллеровское»!

Любопытно, что в нашем 1986 году, не дожидаясь цветения трав, мы с М.С. легко насчитали 41 таксон. То есть за девять лет список увеличился почти вдвое, и что подтверждало предположения исследователей прошлого о неожиданном богатстве флоры острова Геральда. (Кстати, улетая с острова, в суматохе, мы... забыли этот гербарий в домике, и в первые минуты полета я принимал лихорадочное решение: вернуться или нет? Можете не сомневаться, читатель, мы вернулись, и всё закончилось хорошо ...

Особый случай произошел у нас также с морскими птицами. Начиная с 1849 года, и до наших дней, научный мир почти ничего не знал о перечне видов и численности морских птиц на острове Геральда, а так называемая наземная орнитофауна для него вообще была загадкой. Да и что можно было увидеть, попав на труднодоступный остров на так

называемом вертолетном подскоке, находясь в состоянии перелетного возбуждения, и не имея никакой возможности сойти с пятачка, на который нервно присел вертолет? Теперь я с улыбкой вспоминал, как впервые попав на Геральд 7 июля 1982 года, попытался за 45 минут выжать хоть что-то значимое из миниатюрного пространства суши, на котором приземлился наш МИ-8. Кое-что тогда удалось⁹.

Edward William Nelson на Аляске - Edward William Nelson in Alaska [1]

Теперь все изменилось и мы не спешили, и могли позволить себе проверить, например, наблюдения натуралиста Эдварда В. Нельсона. Ведь он был в составе экипажа корабля «Корвин», подходившего к Геральду в 1881. Эдвард Нельсон первым обнаружил здесь *берингийского баклана, ипатку, большую конюгу* и, самое удивительное, *тонкоклювую кайру*. Считается, что эта птица не проникает в Высокую Арктику, предпочитая воды с температурами не ниже, чем +5⁰С. Он же считал, что на острове Геральда птичьи базары больше, чем на о.Врангеля. Бывшими советскими и некоторыми зарубежными специалистами эти и другие наблюдения Эдварда В. Нельсона неоднократно оспаривались, а поскольку фактических опровержений не было, то доходило до маленьких курьезов. Например, орнитолог Леонид Портенко побывавший здесь лишь однажды, в 1939 году, когда летчик Михаил Каминский согласился взять его на борт АН-2 и пролететь над островом на высоте 2300 м, «отказал» тонкоклювым кайрам в прописке на Геральде. (Высота полета почти в два километра была совершенно неприемлема для столь смелых выводов.) Тем не менее. Вот и родилась и гипотеза о якобы ошибке натуралиста Эдварда В. Нельсона. Ну да дело былое.

В то же время, нужно отдать должное просветительским инициативам Портенко-ученого. По иронии судьбы, именно книга Нельсона, аккуратно изданная и профессионально написанная, чудом попавшая в Киев, и после смерти Леонида Портенко перешедшая в собственность Института зоологии АН Украины, помогла во всем разобраться. Она настроила на уважение к наблюдениям Нельсона и вообще к данным тех лет, тем более, что в годы работы над своей диссертацией, я жил на о. Врангеля и знал арктические острова не с чужих слов, поэтому и лучше «чувствовал» их. Уже тогда стремился во что бы то ни стало найти и прочитать в оригинале записи американца. Однажды, во время одного из отпусков, в Киеве, такая возможность представилась. Можно понять мое волнение, когда в один из дней, по обыкновению

проводимых в библиотеке института, я обнаружил в картотеке название книги Эдварда В. Нельсона и сделал нужный заказ. Минуты терпеливого вопрошающего ожидания, и, наконец, в читальный зал вносят долгожданный фолиант, величиной ... с два портфеля! Аккуратнейшее издание 1887 года, с цветными рисунками птиц в натуральную величину. (Очень интересно было бы узнать: с тех времен Леонида Портенко был ли сей внушительный фолиант кем-нибудь востребован в Киеве, кроме меня, и, кстати, как и почему-то совершенно секретная монография «Остров Врангеля» 36-х годов прошлого столетия.). Да, да, совершенно секретная, из сейфа 1-го отдела.)

Хотя, теперь это не так уж важно, ведь книга у меня в руках и ключ к разгадке арктической тайны близок. (Добавлю лишь, что когда-то я уже пытался получить труд Эдварда В. Нельсона прямо на острове Врангеля – это по межбиблиотечному абонементу, что вообще практиковалось. Но чуда не произошло, по понятным теперь причинам, да и откуда же мне было знать размеры уникальной книги.

Вот так, удивительным образом, встретились «странные» наблюдения натуралиста Эдварда В. Нельсона, его книга, мое любопытство ... и остров Геральда.

Но оставим на время экскурсию в былое, ведь перед нами Сам – Его Величество таинственный остров, где можно походить и пощупать все своими собственными руками, проверить любые гипотезы и предположения.

Вперед!

Вечером того же дня, 14 июня, мне посчастливилось обнаружить на припае, под мысом Островершинным, фрагмент черепа конюги, скорее всего, *конюги-крошки*, спрятавшийся в остатках пищи большой белоголовой чайки – *бурогомистра*. И угораздило же меня поднять со льда именно этот комочек, а не другой, а чуть позже - увидеть на скалах живых и здравствующих *тонкоклювых кайр*! Значит, американский натуралист Эдвард В. Нельсон ничего не придумывал и не выдумывал (в отношении конюг и тонкоклювых кайр), а просто аккуратно описывал именно то, что видел. Но только совпало это с каким-то очередным теплым циклом в Арктике в 1881-х, ведь и конюги и тонкоклювые кайры – это теплолюбивые океанические птицы.

Но на этом наши открытия не закончились, ведь день 14 июня, как я уже сказал, был днем эврики. На ручье Сквозном мы спугнули *Бэрдова песочника*, редкого миниатюрного куличка, который молчаливо кормился среди мокрых камней и моховин. Над ним весело носились *желтые трясогузки*, освоившие долину Уютную, а чуть далее - *каменки* и *варакушки*. Теперь можно было не спешить и уверенно рассмотреть вблизи главные отличительные признаки варакушек - их рыжее надхвостье и

очаровательную оранжево-синюю грудку. Все желающие могли даже сфотографировать птиц, пользуясь солнцем и полным безветрием. Но желающим оказался только я, так как М.С. любил природу как есть и не обременял себя лишней поклажей. Импрессионист! Пока я бродил поблизости, обливаясь потом на геральдской жаре, и искал применение «лишней поклаже», мудрый М.С. лежал на боку, покуривал, и собирал в пробирку *науков*. Вскоре каменки и варакушки упорхнули, оставив нас наедине с тишиной. Открытия как бы временно закончились, но не тут-то было.

— Пьюирр-циррр...

— Вася, это не ты, случайно, свистишь носом, — заметил все еще лежащий на боку М.С.

—...?

— Прекрати, а то я подумаю, что поет еще одна редкая птица.

—...?

Замечу, читатель, что свисты в носу, хрипение в груди, случайные звуки трущихся друг о друга резиновых сапог, тоненькое поскрипывание лямок станкового рюкзака - вот неполный набор шумов, которые иногда обманывают чуткое ухо натуралиста, заставляя его еще и еще раз прислушиваться ко всем звукам в тундре.

-Цик-цик-цьюирр,— повторил свою песенку не-НОС.

М.С. медленно поворачивается ко мне и вопросительно поднимает брови. Делаю невинное лицо и внимательно вслушиваюсь в себя. (Кстати, Вы никогда не пробовали вслушиваться в себя? Увлекательнейшее занятие. Сколько звуков, оказывается, издает наше брненное, или, как говорила моя матушка, «дышное» тело – это просто уму непостижимо.

Так ничего и не услышав (ни в себе, ни на себе, ни вне себя), мы с хохотом отправляемся на поиски не-НОСА, и находим его: неподалеку какая-то новая птица то вспархивает, то прячется в камни. Замираем у обширной поляны, где весело прыгают *пуночки* ...и, среди них, загадочная птица, похожая на *конька*.

— Если горлышко у нее розовое, то это *краснозобый конек*,— уверенно комментирует М.С.

С этой минуты все наше внимание обращено на горло таинственной птицы. Но почувствовав это, она затевает игру в прятки: то взлетит, то спрячется, то взлетит, то вновь спрячется. Приступаем к охоте за ГОРЛОМ, поскольку охота за НОСОМ успешно закончилась. Терпение и через минуту линзы наших двух биноклей прицеливаются и «стреляют» в горло конька, обнаруживая то самое розовое пятно. Ура! Еще один новый вид птицы на острове Геральда. Вот так экспедиция!

Довольные возвращаемся домой, а вокруг - ни облачка, ни ветерка, полная благодать. Как бы догоняя нас, из-за обрыва вылетает стая *белых*

гусей. Птицы как бы зависают над поляной и начинается интересный случайный спектакль: кружат, разговаривают. Такое впечатление, что у них собрание в воздухе: первым взял слово крупный гусь, а потом гусёк поменьше, и так далее - гогот, толчея. Решив, наконец, что нужно делать, гусиный парламент скрылся где-то в заливе Микояна.

Входим в свой дом, снимаем верхнюю одежду, растапливаем печь, разогреваем пищу и блаженно разваливаемся на кроватях. Закрывшись облачком табачного дыма, М.С. пьет кофе и листает определитель птиц, вспоминая увиденное. Гудит в топке огонь, похлупывает никотином трубка М.С., щебечут за окном пуночки - знакомые, привычные звуки. Но вдруг сквозь сопение и хлюпанье трубки М.С. в жилище пробивается легкое посвистывание: виийт-виийт, виийт-виийт...

— Это опять у тебя? — оборачивается М.С.

— Ну уж нет,— кричу я, после чего мы, громко смеясь, хватаем бинокли и полураздетые выскакиваем наружу.

Возле мыса Юбилейный «виит-вит-виит» становится громче. Ба, да ведь это песенка кулика *хрустана*, ужжжасно редкого гостя! На бегу, натягивая спадающие тапочки, семеним к небольшой болотине, боясь спугнуть, упустить важную птицу. Но она никуда не спешит, поет себе и поет привычную песню в лучах вечернего геральдского солнца. Хрустана в народе еще называют *глупой сивкой*. Это не случайно. Вот и сейчас он бежит нам навстречу, суетится, нервничает. Да и как не нервничать, когда перед ним почти раздетые люди: на мне ватная куртка на голое тело и тапочки на портянку, на М.С. - рубаха наизнанку и кроссовки на босую ногу, а в зубах - дымящаяся трубка...

Чистое небо и отличная погода не дают успокоиться, поэтому сразу же после сеанса радиосвязи иду к своему насесту, как его называет М.С., чтобы понаблюдать за морскими птицами - *кайрами* и *моевками*. Сегодня в их колонии творится что-то невероятное: численность подскочила почти в три раза. Это прекрасно, так как появилась возможность увидеть больше, оценить всю мощь птичьих базаров Геральда, а значит проверить еще одну гипотезу Эдварда В. Нельсона.

Внимательно изучаю состояние припая и, к своему неудовольствию, отмечаю, что у мыса Островершинного чернеет море и, вероятно, образовался так называемый непропуск, а значит восточный, самый интересный отрезок маршрута, который мы уже запланировали, заблокирован. Неужели не пройдем? Часы показывают начало первого ночи по-местному, то есть уже наступил следующий день (15 июня), и значит мы почти пятнадцать часов на ногах.

Все же решаю сделать последнюю попытку - пройти по льдам хотя бы до мыса Островершинного. Молча, взглядом, прошу М.С. остаться

дома, собираю все необходимое, сажусь на «пятую точку» и быстро спускаюсь по снежнику Вейки прямо на припай. Снизу, из-под скал, картина выглядит не столь драматично: припай вполне крепок, а ледяной мост у потенциального непропуска имеет ширину несколько десятков метров. Но ждать нельзя, поэтому иду вперед.

Примерно через два километра передо мной открывается вид на восточные обрывы Геральда с длинным хвостом мыса Дмитриева на горизонте. Малоизвестная «обратная сторона Луны»! Начинаю учет птиц, беспокойно поглядывая на наползающий туман. Тревога не напрасна. Вначале третьего ночи (в здешних широтах – это напоминает пасмурный день) ветер снова усилился, вершины обрывов закрыли тучи. Мои руки задубели и поэтому начали выводить в записной книжке какие-то каракули. В довершение ко всему, перепрыгивая через снежницу, я поскользнулся и падая намочил меховые рукавицы. Во всем был виноват дырявый резиновый сапог, вынуждавший прыгать через водные препятствия на одной ноге. Дырка давно не поддавалась заклеиванию и заставляла искать сухие льдины. После падения в снежницу беречь носки и рукавицы от намочения уже не имело никакого смысла, поэтому, мой путь домой заметно ускорился, дабы не замерзнуть. Чтобы хоть как-то согреть руки я сунул их в мешочки для геологических образцов. (Представляю, как потешно это выглядело со стороны, ведь такие мешочки почему-то шьют из цветных лоскутков.)

Вот в таком состоянии, находясь в часе ходьбы от балка, я услышал новый незнакомый звук, напоминающий скрип галош. “Скрипучая галоша” страшно озадачила меня, так как ее крик напоминал крик ссорящихся *леммингов*, а их на Геральде никто никогда не находил. Установив, что возникновение и исчезновение звука никак не связано с особенностями моего передвижения, я смело пересек каменный гребень и вскоре обнаружил на острой вершине скалы еще одну странную птицу. Те редкие секунды, которые подарило мгновение, не позволили толком рассмотреть оперение таинственной гостьи, но сомнений не оставалось: на обоих островах, и Врангеле, и Геральде, подобных птиц еще не встречали, по крайней мере, в прошлом веке. Быстро делаю зарисовки и отмечаю нюансы. Но вопросы остались: кто же это? Лишь через неделю, случайно, выяснилось, что в ту холодную геральдскую ночь мне спела свою песенку... таежная птичка *синехвостка*.

— Не верю! — наверняка отписал бы нам с М.С. столичный рецензент с окладистой бородой, прочитав об этом в научной статье.

— Не верю и все!

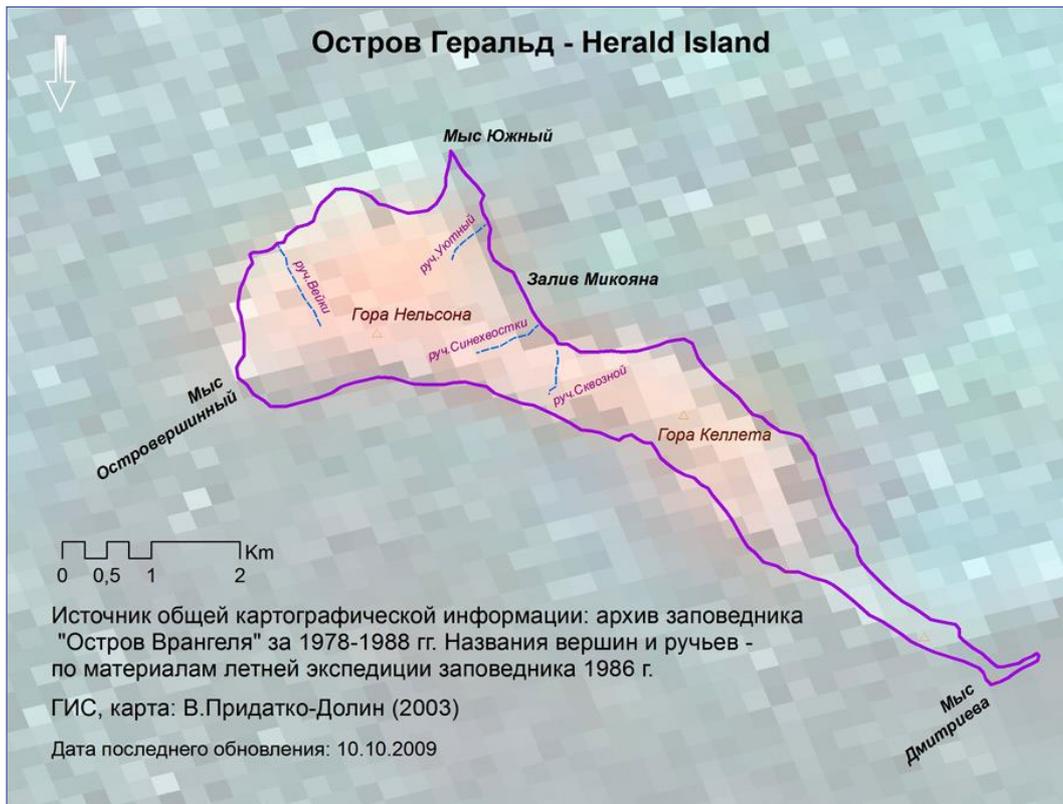
— Убить её нужно было бы одним выстрелом, или придушить ослабевшую, и в коллекцию, — сказал бы другой. (Слыхивали мы неоднократно и такие пожелания, а не выполняли - рука не поднималась.)

И как с ним поспоришь? Да и не нужно. Все разъяснилось со временем. И не погибни случайно эта славная птица из-за похолодания прямо на острове Геральда в заливе Микояна, и не окажись мы с М.С. на острове в именно этот год, и не загляни я, случайно, именно в ту расщелину, в которую нужно, в которую забились и где погибла несчастная синехвостка, никто и никогда не поверил бы в случай залета теплолюбивого таежного существа на 72⁰ с.ш. Ладно уж тонкоклювые кайры и конюги, но представляю с каким бы удовольствием внесли синехвостку в список «ошибок» Эдварда В. Нельсона его критики, если бы такое случилось в 1881. Не реабилитироваться ему, бедному, никогда на свете, если бы... Если бы не такое славное путешествие во времени и в пространстве, как наше - в знаменитый день 14 июня 1986 года. Тогда бы и имя прекрасного натуралиста Эдварда В. Нельсона ждало бы реабилитации в этой части планеты не 105 лет, а гораздо больше!

О, рецензенты трудов исследователей Арктики, сидящие в теплых столичных кабинетах, бойтесь внутреннего вашего «Не верю!». Да освежит вашу прокуренную, но некогда светлую голову и уже бледные щеки, свежий ветер настоящих путешествий и живительных перемен, свежий ветер Арктики! И да не поднимется впредь ваша беспощадная рука заточать как в темницах на годы, и не дай Бог, столетия, имена вперед смотрящих, вперед идущих...

Свободу именам полярных исследователей прошлого – они творили настоящее и будущее! Сво-бо-ду!

(продолжение следует)

Дополнительные источники информации

1. Edward_William_Nelson.jpg (411 × 528 pixels, file size: 35 KB, MIME type: image/jpeg) - <http://siarchives.si.edu/findings/FARU7364.htm#FARU7364i>

---

¹ Геральд, Геральда, Herald (англ.) - остров в Чукотском море, Восточная Арктика, 72⁰ с.ш. 179⁰ з.д.

² Автор публикует выдержки из повести, пока, не изыскав возможности уведомить о публикации, талантливого исследователя, участника экспедиции на о.Геральда, своего друга – это М.С. , и лишь по этим причинам временно не называет его полное имя. Подчеркиваю: летом 1986 года нас на острове Геральда было всего двое, и описанные выше «открытия» и «закрытия», как и пишу, мы делили пополам.

³ Edward William Nelson (1855-1934) – известный американский натуралист, исследователь Аляски.

⁴ В журнале «Юный натуралист» автор опубликовал также заметку «Встреча через 100 лет» (№6, 1982. С.36) о находке на Чукотке еще одной редкой птицы – это миртового певуна, и что дало возможность, опять же, реабилитировать одно из наблюдений членов экспедиции Норденшельда.

⁵ См. также переводное русскоязычное издание: Бартлетт Р. Последнее плавание «Карлука». – Л.: изд. Главсевморпути, 1936.- 190 с.

⁶ Из моего отклика «Мы - странные тещы Хемингуэя» на стихотворение Михаила Розенштейна «Море» - <http://www.stihi.ru/addrec.html?2007/04/17-48>.

⁷ Отрывок из стихотворения автора «Иным бы сил, морошки сочъ» (2009), опубликованного на веб-сайте Стихи_Ру < <http://stihi.ru/2007/10/18/1929>>

⁸ То есть в СССР.

⁹ Придатко В.И., Луцок О.Б. Орнитофауна острова Геральд (Чукотское море) // Вестник зоологии, 1986, №3. С.29-34.